

— Юньфань, я действительно такая никчёмная? — Сяо Цин, очевидно выросшая в тепличных условиях и не видевшая тягот шоу-бизнеса, похоже, пришла сюда просто поиграть с деньгами, в поисках острых ощущений. Она рано вступила в съёмочную группу и поначалу поддерживала неплохие отношения с Линь Каном и Хун Чжэнци. Но, вероятно, из-за слабой актёрской игры, после нескольких совместных сцен с Линь Каном она окончательно разочаровала этого прямолинейного красавца. Говорят, он даже пару раз высказался довольно резко, не особо щадя её самолюбие. Хотя, по предположениям самого Шэнь Юньфана, Линь Кан, с его куда более высоким эмоциональным интеллектом, чем у старика Лу, наверняка лишь мягко указал ей на ошибки. К сожалению, девушка оказалась обидчивой и впоследствии в приватной обстановке, кажется, даже побаивалась Линь Кана.

Сегодня Хун Чжэнци с его выдающимся эмоциональным интеллектом отсутствовал, Линь Кан же продолжал держаться от неё подальше. Только что девушка довольно вежливо извинилась, а Линь Кан лишь кивнул и ушёл в свою гримёрку. Шэнь Юньфань с лёгкой досадой покачал головой. Неужели его взяли на роль «старшего брата-доверенного лица»?

Взглянув на плачущую девушку, в Шэнь Юньфане проснулся его вечный материнский инстинкт:

— Сяо Цин, скажи, что тебе больше всего нравится дома, кроме родителей?

Расстроенная Сяо Цин на мгновение задумалась:

— Даодао, моя собака.

— Хорошо. Представь, что сегодня у Даодао третий день рождения, он съел своё самое любимое лакомство, и ты надела на него новую одежду, чтобы выйти на прогулку. Но по недосмотру ты забыла закрыть калитку, он вышел на улицу, а там грузовик, не заметивший маленькую собаку на дороге, пронёсся мимо... — Шэнь Юньфань, довольный испуганным выражением её лица, продолжил свой печальный рассказ. — Раздался жалобный визг, и его бедная левая лапка сломалась. Сяо Цин, можешь представить? Этот милый пёсик, истекая кровью, с трудом прополз пару шагов, а затем, со слезами на глазах, упал на холодный асфальт.

Неизвестно, какую ужасную картину нарисовало воображение Сяо Цин, но она аж захлебнулась, собираясь разрыдаться. Шэнь Юньфань поспешно остановил её:

— Не плачь пока. А потом, к несчастью, Даодао заметил собачий торговец, подобрал его и бросил в свой фургон, который как раз направлялся в собачью мясную лавку. А ты вышла из дома и увидела его ошейник с колокольчиком, валяющийся у порога, и лужу крови на земле.

Актёрские способности у Сяо Цин были не ахти, но любовь к своей собаке, видимо, была настоящей. Когда она вернулась на съёмочную площадку, на её лице читалось полное отчаяние. Старик Лу с удивлением взглянул на неё и, пользуясь её состоянием, немедленно отдал приказ начинать съёмки. Шэнь Юньфань, совершенно не смущаясь тем, что его вообразили собакой, по-прежнему профессионально сыграл свою сцену. На этот раз Сяо Цин наконец не выпала из образа, и хотя её крик был не слишком громким, он как минимум достиг минимального стандарта старика Лу. Тот кивнул — сцена снята!

Чжао Мань подошёл с чашкой чая:

— Что ты сделал с этой девушкой?

— ...

Шэнь Юньфань смотрел на него без слов, потом произнёс:

— Неужели при свете дня я выгляжу настолько подозрительно?

— Пфф! — Линь Кан, весь в искусственной крови, подошёл и хлопнул его по плечу, рассмеявшись. — Расскажи своему брату Линю, как ты это сделал. До твоего прихода я уже все методы перепробовал.

— Сяо Цин плохо играла, потому что у неё недостаточно развито воображение. Я просто создал для неё знакомую печальную историю, чтобы она на себе прочувствовала горе Не Мэннин. Но такой метод работает лишь временно. — Создание вымышленных сцен — это лишь крайняя мера для актёра, и Шэнь Юньфань не любил такой подход. Он делал акцент на собственном слиянии с ролью, а не на вымысле. Он полностью погружался в персонажа, словно на собственном опыте переживая все радости и печали героя сценария, потому так глубоко входил в роль. Это был талант, но и недостаток. Подобная игра легко могла затянуть его в созданный им же образ, поэтому позже, после завершения любого фильма или сериала, он практически исчезал из виду. В жизни он искал и находил себя — настоящего Шэнь Юньфана.

Линь Кан с одобрением взглянул на него:

— Ладно, ты крут! Через пару дней, когда закончатся твои сцены, брат Линь угостит тебя чем-нибудь вкусненьким. Не будем участвовать в этих заигрываниях Хун Чжэнци с девчонками.

Шэнь Юньфань улыбнулся. Самая большая ирония в Хун Чжэнци, пожалуй, заключалась в том, что при всей своей аристократичности он был большим любителем уличной еды. Его ассистент тоже был умельцем — как только Хун Чжэнци заканчивал работу, тут же появлялись всякие шашлычки. Обычно Хун Чжэнци съедал лишь пару штук, чтобы удовлетворить желание, а остальное отправлялось в желудок его ассистента. На что Чжао Мань выражал крайнюю зависть — есть и пить за счёт компании было сплошным удовольствием!

Главная сцена дня была завершена, впереди оставалось ещё несколько эпизодов с Линь Каном в интерьере. Тот, не дожидаясь напоминаний ассистента, поспешил в гримёрку.

— Линь Кан, кажется, неплохой парень, — заметил Чжао Мань, стажёр-ассистент и массовка, который целыми днями болтался на площадке и, наверное, наслушался всяких сплетен. Он уже собирался разлить полную чашу, но Шэнь Юньфань его перебил.

— На самом деле, если говорить о бэкграунде, то поддержка у Линь Кана, пожалуй, крепче, чем у Хун Чжэнци. Старик Лу тоже персонаж, да плюс ещё тот, кто сидит внутри, — этот проект прямо-таки сияет золотом. Линь Кан держится скромно, в будущем нам лучше поменьше интересоваться его делами.

Чжао Мань, знавший его давно, редко видел, чтобы он так серьёзно рассуждал о делах в индустрии, и невольно заинтересовался:

— Это опасно?

Шэнь Юньфань кивнул:

— Знаешь мой первый фильм «Двуликий»? Линь Кан изначально был главным героем, назначенным инвесторами. Когда режиссёр Дин выбрал меня, инвесторы без лишних слов

отозвали финансирование. Подробностей я не знаю, но в итоге Линь Кан инвестировал в этот фильм как вкладчик. Сам он не снимался, а порекомендовал на роль второго плана своего тогдашнего однокашника Сяо Сяо.

Чжао Мань остолбенел, и лишь спустя долгое время выдавил:

— Вот это скрытность!

Шэнь Юньфань поймал мототакси, и они, наслаждаясь тёплым ветром, продолжили беседу:

— Брат Мань, я понимаю, почему ты не хочешь оставаться у сестры Бай, но вода в этом круге глубже, чем мы с тобой можем представить. Сестра Бай — опытный агент, тебе не стоит торопиться уходить из Хаотянь. Когда я уйду из Хаотянь, ты в любой момент можешь прийти ко мне на помощь и в любой момент уйти, если захочешь. Мне всё равно.

Выслушав это, Чжао Мань промолчал. В этот момент никто не стал шутить — карьера для мужчины была второй по важности вещью после жизни. Дела у Чжао Мана шли неважно, и то, что Шэнь Юньфань в этот момент без колебаний протянул ему руку помощи, независимо от того, как сложатся их отношения в будущем, тронуло Чжао Мана до глубины души. Он всегда знал, что они с Шэнь Юньфанем разные. Шэнь Юньфань сам надел на себя оковы, и Чжао Мань невероятно восхищался его упорством, с которым он держался в Хаотянь до сих пор. Чжао Мань общался с ним столько лет и мог примерно догадываться о личных обидах Шэнь Юньфана на высшее руководство Хаотянь. Если бы на его месте был кто-то другой, он бы точно не стал терпеть так, как Шэнь Юньфань, со стороны же такое поведение Шэнь Юньфана даже казалось несколько глупым. Но Чжао Мань знал, что это и есть его истинная натура — жить каждое мгновение искренне, не обманывая себя и не подводя других.

— Хорошо! Брат Мань принимает твою доброту! — Чжао Мань вымолвил это лишь когда они уже почти дошли до гостиницы. Шэнь Юньфань с недоумением посмотрел на него:

— Брат Мань, твоя скорость реакции разве не должна была достичь Тихого океана?

— ... — Чжао Мань рассвирепел, вся братская любовь была разрушена одним его словом, и он бросился вдогонку за Шэнь Юньфанем, чтобы как следует ему всыпать.

Едва они, шумя, вошли в вестибюль гостиницы, как увидели парня в идеально сидящем костюме. Чжао Мань замер — этот парень показался ему знакомым...

— Помощник Ли? — неуверенно окликнул Шэнь Юньфань, сопоставив предыдущие сообщения и поняв, что именно этот молодой человек отвечал за связь с Гу Янем.

Чжао Мань, с его радаром для сплетен, работающим на полную мощность, уставился на Ли Цина, а затем медленно повернулся к Шэнь Юньфаню с видом полного отчаяния:

— Только не говори, что ты прошёл даже это чудовищное собеседование! Ты вообще человек?!

Шэнь Юньфань: «...»

Ли Цин: «...»

Шэнь Юньфань сидел в кабинете, перелистывая стопку бумаг. Он посмотрел на контракт, затем на помощника Ли и с лёгким вздохом подумал, что этот Гу Янь, должно быть, настоящий трудоголик. Такая работоспособность, такая скорость — это просто чудовищно!

<http://bllate.org/book/14964/1420512>